

Й. П. Нильсен, В. В. Тевлина

Норвежская судьба палеонтолога — петербуржца-эмигранта Анатолия Евгеньевича Гейнца (1898–1975)*

Нильсен Йенс

Петтер

проф., Университет
Тромсё —
Арктический
университет
Норвегии
(Тромсё, Норвегия)

***Тевлина Виктория
Валерьевна***

д-р ист. наук,
проф., Университет
Тромсё —
Арктический
университет
Норвегии (Тромсё,
Норвегия); Северный
(Арктический)
федеральный
университет имени
М. В. Ломоносова
(Архангельск, Россия)

Глобальные потрясения, произошедшие в ходе Русской революции 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войны, вызвали большую волну эмиграции из России. Известно, что эта первая волна исхода, как ее называют, растеклась во многие страны, образовав за пределами России целый отдельный мир — русское зарубежье. Появившееся сообщество в течение многих лет привлекало и продолжает вызывать большой интерес со стороны современных российских и зарубежных исследователей, особенно в связи с отмечаемым в 2020 г. столетием окончания в Европейской части России Гражданской войны, позволившей большевикам в итоге консолидировать власть в стране¹.

Мы не знаем точно, сколько российских граждан покинуло родину в революционные годы. В исторической литературе имеются разные цифры: от полутора до двух и даже трех миллионов человек. Между тем более реалистичные цифры уехавших из страны граждан после многосторонних подсчетов приводит, в частности, Катрин Гусефф, которая издала в 2014 г. монографию о первой волне русской эмиграции во Франции. Она пришла к выводу, что не более 700 тыс. россиян оставили родину в результате революционных волнений 1917–1922 гг.²

При изучении первой волны эмиграции актуальны не только статистические данные, но и процессы социально-культурной адаптации и вхождения эмигрантов в сообщество новых стран проживания. Большой интерес вызывают вопросы о поисках себя в принявших эмигрантов французской, немецкой и других национальных средах, а также о путях сохранения «русскости» среди эмигрантов. Данные проблемы являются ключевыми, поскольку возникают при рассмотрении и следующих волн русской эмиграции второй половины XX — начала XXI столетий. Так, анализ социально-психологического состояния русских людей постсоветской волны, уезжающих из России в страны Европы, сделанный А. Баркан, вполне может быть полезным и для понимания происходящего с эмигрантами революционной первой волны. А. Баркан обращает внимание на оборотные стороны жизни выходцев из России в новых для них странах, а именно на так называемый культурный шок. Речь идет о процессе вхождения в новую для человека культуру, который имеет для него ряд негативных сторон: от потери друзей — носителей прежней культуры до ощущения дискомфорта от переоценки своих ценностей жизни, трудностей приспособления к менталитету коренных жителей, а также поиска личностной и социальной идентичности. Вместе с тем внимание А. Баркан вполне закономерно обращено на способы и важность сохранения русскоязычных корней, культуры, языка не только у взрослых, но и у детей-эмигрантов³.

Иными словами, пересечение государственных границ приводит к преодолению человеком и его внутренних границ, т. е. действиям, которые невольно активизируют процессы самоопределения и поиска своей новой принадлежности. В то же время они побуждают сохранять и защищать свои культурно-нравственные корни. Пожалуй, ярче всего данные тенденции можно было заметить в начале XX в. в больших колониях эмигрантов, которые появились после 1917–1920 гг. в Берлине, Праге и Париже, т. е. столицах русской эмиграции, куда стремилось большинство интеллигенции из революционной России. В этих городах, как отмечает Т. П. Тетеревлева, была возможна «сепарация от окружающей среды и действительно насыщенная русская жизнь»⁴.

Между тем в «глухой провинции эмиграции», т. е. в маленьких государствах на периферии Европы, ситуация с русскими эмигрантами была несколько иной. Так происходило, в частности, в Скандинавских странах, куда приехало достаточно мало эмигрантов. Меньше всего их поселилось в Норвегии, и поэтому отгородиться от окружающего общества коренных норвежцев было намного труднее, чем в Германии, Чехии или Франции, а точнее, практически невозможно. Парадоксально, но именно в Норвегии большинство русских эмигрантов, как нам представляется, не чувствовали сильного отчуждения от принимающей их страны, а напротив, хотели и стремились как можно скорее стать частью норвежского общества.

Среди очень незначительного числа творческой и научной российской интеллигенции, прибывшей в Норвегию, был двадцатилетний Анатолий Гейнц, уроженец Санкт-Петербурга, ставший впоследствии знаменитым ученым-академиком, профессором и одним из основоположников норвежской палеонтологии.

Жизнь и деятельность Анатолия Евгеньевича Гейнца (1898–1975) мы впервые представляем в данной статье на основе собранных нами источников и материалов, позволяющих ближе посмотреть на то, как русский эмигрант, оказавшийся в Норвегии, справлялся с вышеупомянутым дуализмом. Ведь при всех своих достижениях А. Е. Гейнец стремился сохранять русские черты и в то же время вполне закономерно, приехав в новую страну, питал сильное желание стать частью норвежского общества. Мы покажем, что делал Анатолий Гейнец для сохранения своей русской идентичности и как он одновременно трудился, чтобы стать признанным норвежским гражданином, прежде всего посредством своей научной карьеры.

Несмотря на то что у Норвегии есть общая граница с Россией на Севере, лишь незначительное число эмигрантов первой волны поселились в этой соседней с Россией стране. Из россиян, приехавших в Норвегию после 1917 г., только часть в итоге осталась там. Если взять за основу вышеупомянутую цифру Е. Гусефф (700 тыс. эмигрантов первой волны), то лишь одна тысячная часть из них, т. е. около 700 чел., выбрали Норвегию как свою новую страну пребывания⁵. Среди них были остатки белой Северной армии генерала Е. К. Миллера и его правительства, которые в конце февраля 1920 г., когда большевики вернулись в Архангельск, бежали на ледоколе «Козьма Минин», чтобы в конечном счете искать убежище в Северной Норвегии⁶. Эмигрантами стали также немногочисленные поморы из Беломорья, раньше занимавшиеся торговлей с норвежцами на побережье самой северной части Норвегии (так называемой поморской торговлей). Вдобавок в Норвегию приехали небольшие группы эмигрантов из других частей России, а также русские люди, которые провели некоторое время в третьих странах, в частности в Турции и Балканских странах, прежде чем норвежские власти решились их принять⁷.

Из русских интеллигентов-эмигрантов очень немногие выбрали Норвегию, поэтому речь идет скорее о десятках, чем о сотнях персон. Большинство из них поселились в столице, Кристиании (в 1925 г. переименована в Осло), и вокруг нее. Самый известный из эмигрантов, несомненно, Валерий Вильямович Каррик, который до революции 1917 г. был знаменитым карикатуристом, писателем, иллюстратором и издателем русских народных сказок⁸. Эмигрировав в Норвегию в конце 1917 г. из Петрограда, он старался продолжать свою профессиональную деятельность в совсем новых обстоятельствах. В. В. Каррик нашел для себя наиболее оптимальный вариант жизни в норвежском обществе: начал заботиться о благоустройстве на новом месте, повышении уровня знаний и поддержании любви к русской культуре среди русских беженцев в Осло и его окрестностях. Более того, он с энтузиазмом помогал организовывать русских людей не только в Норвегии, но и в других странах, вел обширную переписку с эмигрантами по всему миру, прежде всего с эмигрантскими колониями в Европе, Южной Америке и Маньчжурии. Он особенно заботился о воспитании эмигрантской молодежи, о том, чтобы она не забывала русский язык, читала русскую литературу и размышляла об исторических судьбах России⁹. В. В. Каррик посещал эмигрантские колонии по всей Европе с докладами и презентациями детских книг, с лекциями о русском искусстве и традициях.

Очевидно, что он разделял распространенную среди эмигрантов того времени точку зрения: сохранение русской культуры и национальной самобытности русских людей на чужбине — святой долг эмигрантов, особенно когда нельзя быть уверенным в том, что большевики в состоянии их сохранить¹⁰.

Конечно, столь многогранная личность В. В. Каррика и его жизненная позиция были уникальным явлением. Разнообразие его контактов с русскими колониями во Франции, Чехии и других странах обеспечило В. В. Каррику необходимую для него дистанцию от окружающего его общества, которой, пожалуй, не было у других членов малочисленной русской колонии, обосновавшейся в Норвегии. Фактически он не стремился быть глубоко интегрированным в норвежское общество и, как достаточно независимый в экономическом плане человек, зарабатывал себе на жизнь самостоятельно, в частности издавая книги с русскими сказками, переведившимися на разные языки, в том числе на норвежский¹¹.

В отличие от В. В. Каррика, положение большинства русских эмигрантов в Норвегии было несколько сложнее. В первое время левые силы в норвежском обществе проявляли к приехавшим из России мало симпатии, поскольку воспринимали их как контрреволюционеров, и эмигрантам приходилось терпеть открытое недовольство со стороны рабочей прессы, которая писала, что русские беженцы нетрудолюбивы и привыкли жить в роскоши за счет труда других. Более того, говорилось, что они якобы отбирают работу у норвежских рабочих¹². Главная газета Норвежской рабочей партии Social-Demokraten жаловалась на то, что беженцы из России якобы были приняты «властями страны и ее господствующим классом как почетные гости», тогда как речь, скорее всего, шла об «уголовщине, которая вербовалась на войну против русской рабочей республики»¹³. На самом деле норвежское правительство также проявляло некоторое недовольство гостями с востока, связанное в первую очередь с тем, что прибытие русских эмигрантов в Норвегию в начале XX в. оказалось в истории страны первой настоящей эмигрантской волной. Такого рода социально-культурные феномены вызывали не только растерянность и непонимание, как решать вопросы благоустройства приехавших людей. Возник страх того, что русские эмигранты никогда не покинут страну. Однако спустя какое-то время, отношение норвежского правительства к выходцам из России стало достаточно гуманным и внимательным. Такое же отношение начали проявлять разные политические круги, в том числе левые, причем и в столице, и в регионах страны.

Возможно, толчком к этому послужил концерт, который уже спустя несколько месяцев после прибытия, в апреле 1920 г., дали русские беженцы-музыканты в Кристиании. После него в норвежских газетах появились восторженные отзывы: «Импонирует то, что у русских находится столь много обладающих голосами и образованных в художественном отношении людей»¹⁴. А чуть позже, в августе 1920 г., одна из буржуазных газет написала: «Если мы поведем себя отталкивающее, когда им [русским беженцам] нужна помощь, то мы оставим впечатление неприветливое и эгоистичное. Во времена таких переломных событий у людей хорошая память как на плохое, так и на хорошее»¹⁵.

Действительно, приехавшие из России по-разному устраивались в Норвегии. Среди тех, кто прибыл на «Козьме Минине», причалившем в порту северного города Тромсё 27 февраля 1920 г., и затем поселился в разных частях страны, было 30 офицеров и около 10 бывших чиновников из Архангельской губернии. Из них два человека (один — бывший член правительства) получили работу ночными сторожами, четверо стали сапожниками, трое малярами, двое шоферами. Другие эмигранты работали на фабриках, кондукторами в трамваях, агентами по продажам, вахтерами. Бывший городской голова Архангельска И. В. Багриновский, возглавлявший городской совет в 1919 г., нашел работу на лесопилке. Часть эмигрантов организовала свои маленькие предприятия: парикмахерские, обувные мастерские и фото-студии. В частности, Кристофер Кристи, бывший российский консул в Осло, оставшись в городе, открыл в здании бывшего императорского консульства пансионат¹⁶.

Очевидно, что столь заметная социальная деградация была достаточно ощутимой для приехавших в другую страну. Однако уже в феврале 1922 г. В. В. Каррик написал в эмигрантской газете «Последние новости» (Париж) о том, что русские эмигранты, осевшие в Норвегии, из-за отсутствия в стране дворянского высокомерия и пренебрежения к какой-либо работе довольно легко примирились со своей участью¹⁷. Действительно, многие люди, известные ранее своим положением в России, не могли надеяться на сохранение статуса дворянина, так как дворянство было отменено в Норвегии уже в 1821 г.

Некоторые русские эмигранты обратили на себя внимание достижениями другого рода. Например, Исай Добровен был международно признанным музыкантом и композитором, Алексей Зайцов — известным художником, Николай Цветнов — врачом-неврологом, профессором медицины.

Одними из самых близких знакомых В. В. Каррика в Норвегии была семья Гейнц, как и он, приехавшая из Петрограда. В нее входили: Ольга Федоровна Гейнц (урожденная Гоффманн), ее дочь Нина Евгеньевна и сын Анатолий Евгеньевич, которому и посвящена настоящая статья. Муж Ольги, Евгений Альфредович Гейнц, умер в 1918 г., и через год она и дети решили убежать от революционных перемен и чрезвычайно сложной жизни в Петрограде. Зимой 1919 г. при драматических обстоятельствах они перебрались пешком через покрытые снегом леса в Финляндию и оттуда отправились в Норвегию¹⁸. Они выбрали Норвегию, потому что здесь уже жил родной брат Ольги, Евгений Федорович Гоффманн с семьей. Других связей с этой страной они не имели. Тем не менее семья Гейнц осталась жить в Норвегии, ставшей их новой, второй родиной¹⁹.

До революции Анатолий Гейнц учился в Санкт-Петербургской академии лесоводства и собирался стать лесничим. Однако в Норвегии он выбрал другой путь, несмотря на обилие в стране лесов, которые вполне могли бы помочь ему в трудоустройстве по специальности. Сначала Анатолий и его двоюродный брат Борис Евгеньевич Гоффманн²⁰ прошли годовой курс обучения в Норвежской школе искусств и ремесел в Кристиании, после которого Гейнц поступил на факультет биологии и палеонтологии в Университет имени короля Фредерика (с 1939 г. — Университет Осло). Финансировать учебу было трудно, и порой Анатолию приходилось, используя знания, полученные в школе искусств и ремесел,

работать декоратором, чтобы зарабатывать на жизнь и помогать маме и сестре. Он успешно справлялся со всеми трудностями, а после окончания вуза был принят в аспирантуру Музея палеонтологии. Научный руководитель, профессор Йохан Кьар, привлек его к изучению окаменелых рыб из девонского периода палеозойской эры, т. е. живших около 3 млн лет назад²¹. Таким образом, с самого начала главным интересом в научной работе Анатолия Гейнца стали окаменелые рыбы.

Новый аспирант пришел на работу в Музей палеонтологии как раз вовремя. В начале 1920-х годов здесь начала реализовываться грандиозная скандинавская программа по изучению старейших окаменелых рыб, прежде всего на Шпицбергене (Свальбарде), а также в районе Рингерике на материке, недалеко от Осло. В этих местах профессор Й. Кьар за десять лет до этого сделал сенсационные находки бесчелюстных рыб и морских скорпионов из силурийского периода, существовавших более 400 млн лет назад. Итак, Анатолий Гейнец стал незаменимым участником новой научной программы, которую возглавили профессор Й. Кьар (Музей палеонтологии, Осло) и профессор Э. А. Стенсйо (Естественно-исторический музей, Стокгольм). В первую очередь Гейнец занялся изучением так называемых артродиров, т. е. окаменелостей акулообразной хищной панцирной рыбы, привезенных со Шпицбергена. Уже в начале исследований, в 1924 г., аспирант Анатолий Гейнец стал кандидатом наук со специализацией в области ихтиологии и почти сразу получил должность хранителя в Музее палеонтологии²².

В течение более чем 50-летней научной карьеры А. Е. Гейнец принял участие в семи экспедициях на Шпицберген, в ходе которых были найдены новые ценные материалы, относящиеся, в частности, к группе арандаспидов или рыбоподобных животных с одним плавником. Они легли в основу существенной части его исследований и публикаций, где он развил работы профессора Й. Кьара о вымерших рыбах на Шпицбергене. Более того, А. Е. Гейнец смог изучить коллекции этих же рыб в США и Эстонии, когда был в этих странах в научных поездках. После них он занялся дополнительно изучением и описанием других видов окаменелостей, особенно бесчелюстных панцирных рыб, так называемых остракодорм, которым, кстати, именно он дал на норвежском языке название *urfisk*, т. е. «первобытная рыба». Данное видовое обозначение рыб активно употребляется в научном мире Норвегии и в настоящее время. На основе собранных в ходе исследований материалов в 1932 г. А. Е. Гейнец защитил докторскую диссертацию и затем был приглашен в Университет Осло преподавать палеонтологию и историческую геологию и руководить аспирантами.

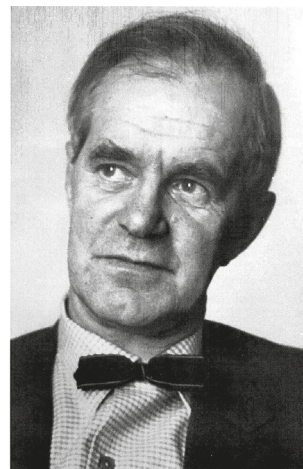
Во второй половине 1939 г. под руководством А. Е. Гейнца состоялась большая международная экспедиция по изучению окаменелых рыб на Шпицбергене, в которой впервые приняли участие его шведские и английские коллеги. Правда, проработав чуть больше месяца, англичане отправились домой, так как началась Вторая мировая война. В ходе этой же экспедиции А. Е. Гейнец подготовил и чуть позже опубликовал большую научную работу про бесчелюстных морских рыб — цефаласписов из силурийского периода, найденных профессором Й. Кьаром в области Рингерике в Норвегии еще в 1910 г. В этой ра-

боте А. Е. Гейнц показал выдающиеся способности как аналитик и толкователь фоссильных структур ископаемых рыб²³. С течением времени предметом его интересов стали и другие вымершие позвоночные. Он описал большинство находок зубов и костей мамонтов, найденных из последнего ледникового периода (примерно 10–12 тыс. лет назад). Некоторые из них были датированы новейшим по тем временам методом радиоуглеродного анализа, позволившего намного точнее установить время распространения мамонтов в Норвегии. На основе своих широких знаний Анатолий Гейнц вместе со своим коллегой Лейфом Стормером смог начертить большой график динамики развития жизни животных, который в следующие десятилетия пользовался популярностью в музейных экспозициях в разных странах мира.

В ходе неоднократных экспедиций на Шпицберген А. Е. Гейнц не только целеустремленно занимался окаменелыми рыбами, но и проявлял неподдельный интерес к фауне архипелага, издав целый ряд статей и книг по этой теме²⁴. Более того, он стал инициатором охраны окружающей среды на архипелаге, вошедшем в 1925 г. в состав норвежского государства. Особенно он озаботился судьбой белых медведей. Ученый активно ратовал за их постоянную охрану, пока закон против охоты на белых медведей не был принят норвежским Стортингом в 1973 г.²⁵ А. Е. Гейнц также не раз предлагал норвежским властям создать природные заповедники на Шпицбергене, и спустя несколько десятилетий, в 1973–2005 гг., такие заповедники действительно появились, но большинства из них Анатолий Евгеньевич, к сожалению, уже не увидел, уйдя из жизни 24 февраля 1975 г.

Работая много лет на Шпицбергене, А. Е. Гейнц основательно ознакомился с памятниками поморского зверобойного промысла, сохранившимися на этом архипелаге с XVIII–XIX вв., а может быть, и раньше. В 1964 г. он написал о них специальную статью, где на основе русской исторической и археологической литературы и собственного анализа рассматривал вопрос о том, когда и как русские поморы стали ездить на Шпицберген. Таким образом, интерес к истории, археологии и этнографии архипелага, исторически связанного и с Норвегией, и с Россией, сделал Анатолия Гейнца посредником между норвежскими и русскими учеными в разных областях знаний, а не только в его собственной дисциплине — палеонтологии, которая, конечно, оставалась его главной сферой занятий²⁶.

В начале 1941 г. А. Е. Гейнц издает научно-популярную книгу «Происхождение человека», одновременно готовит к новому изданию книгу Й. Къара «Миры, которые исчезли», став ее соавтором²⁷. Много лет спустя, в 1966 г., он переиздает «Происхождение человека», дополнив ее новыми материалами²⁸.

Анатолий Евгеньевич Гейнц в начале 1970-х годов, Осло (из частного архива семьи Н. А. Гейнц)

В этой работе ему помогала дочь Наташа Гейнц, родившаяся в 1930 г. и пошедшая в науку по стопам отца.

Научные труды А. Е. Гейнца выходили на норвежском, немецком, английском и русском языках²⁹. Таким образом, его репутация как ученого и одного из ведущих специалистов по фоссильным рыбам простиралась далеко за пределы Норвегии³⁰. Среди иностранных коллег, с которыми он сотрудничал, был и Юрий Александрович Орлов (1893–1966), ведущий советский палеонтолог и академик, директор Палеонтологического института Академии наук СССР. А. Е. Гейнц познакомился с Ю. А. Орловым на международной конференции в середине 1950-х годов, в результате чего началась их переписка по научным вопросам, длившаяся много лет³¹.

А. Е. Гейнц был хорошим популяризатором науки, в этом ему помогали творческие способности художника и декоратора. Занимаясь организационными вопросами, он стал в 1938 г. инициатором создания Национального союза норвежских естественно-исторических музеев и первым председателем этой организации. Более того, будучи директором Палеонтологического музея Норвегии на протяжении 26 лет (1940–1966), он всегда тщательно работал с выставками и посещал много музеев в Европе и Америке, чтобы получать новые импульсы для обновления выставок в Норвегии.

9 апреля 1940 г. А. Е. Гейнц был официально назначен, помимо уже занимаемой должности директора музея, профессором Университета Осло, как раз в тот самый день, когда фашистская Германия напала на Данию и Норвегию. Норвежское правительство и король Хокон VII бежали из столицы на север, а через несколько недель нашли убежище в Лондоне, откуда продолжали борьбу против оккупантов. Из-за войны А. Е. Гейнцу пришлось пять лет ждать от короля подтверждения назначения на должность профессора. Но война имела для Анатолия Евгеньевича куда более серьезные последствия, чем неполученный документ. В октябре 1943 г. он был арестован немецкими властями по так называемому университетскому делу, оказался в тюрьме и потом отправлен в самый большой лагерь для противников немецкой оккупации страны — Грини, к западу от Осло³². В лагерь попало много ведущих политиков, известных деятелей культуры и профессоров Университета Осло, отказывавшихся подчиняться режиму оккупантов. Связи, установленные в Грини между людьми, до войны принадлежавшими к разным политическим направлениям и социальным классам, стали значимыми для политического развития Норвегии после войны. Единение, сплоченность, возникшие между пленниками под натиском врага, и общая борьба норвежского населения против оккупантов привели к более сильной национальной интеграции норвежского общества, чем в межвоенный период³³.

Пребывание в Грини стало значимым для А. Е. Гейнца, в первую очередь в личном плане. В заточении он почувствовал, что сокамерники и борцы против фашизма его в первый раз приняли как норвежца в полном смысле слова, и это было очень важно для него. Норвежцы в целом не славятся открытостью перед иностранцами, и, как это не парадоксально, только в лагере Грини, в так называемой профессорской казарме, Анатолий почувствовал, что люди

обращаются с ним как с равным. Его включили в профессорский коллектив, члены которого неофициально читали в лагере лекции другим пленникам. За недолгое время пребывания в Грини (конец 1943 — 1944 г.) Гейнц прочитал около 200 научно-популярных лекций, особенно о развитии жизни на земле. Его неоднократно хвалили, что позволило ему, пожалуй, впервые после эмиграции в Норвегию осознать свое социальное положение как одного из членов норвежского общества.

Достигнутый общественный статус А. Е. Гейнц успешно сочетал с семейной домашней обстановкой. Он продолжал оставаться русским человеком, так сказать, «и телом, и душой». При этом его жена была норвежкой, и с нею он говорил только по-норвежски. Но когда Анатолий общался со своей дочерью Наташей, которая научилась русскому языку у тети Нины и бабушки Ольги, то говорил по-русски. По-русски он, естественно, говорил и со своей мамой

Анатолий Евгеньевич Гейнц (1955 год). Рисунок Г.Хаммарлунда (из частного архива семьи Н.А.Гейнц)

и сестрой Ниной, чья жизнь, как пишет И. М. Дьяконов, «была посвящена сбережению русского языка и русского чувства за рубежом»³⁴, с двоюродным братом и его семьей и, конечно, с Валерием Карриком, который тоже неизменно радел за сохранение русского языка. Но, как рассказывает сама Наташа Гейнц, ее папа редко общался с другими русскими эмигрантами, жившими в норвежской столице, прежде всего в силу своей занятости на работе и некоторой отдаленности от них, возникшей с течением времени³⁵.

Лагерь Грини научил А. Е. Гейнца еще одному: иногда ученый должен спускаться с «башни из слоновой кости» и делиться знаниями с людьми. Возможно, как раз во время Второй мировой войны он понял, что популяризация результатов исследовательской работы — одна из центральных задач ученого. Итогом данных размышлений стали продолжение его работы с выставками в Музее палеонтологии в послевоенный период и участие в целом ряде дискуссий в газетах, в частности в обсуждении соотношения христианства и эволюционной теории Дарвина в учебниках для норвежских школ (эта дискуссия особенно активно развернулась в стране в 1947 г.). Более того, вместе с норвежским школьным учителем Х. Осекьяром он издал учебник по биологии для средней школы, который вышел в Норвегии в нескольких изданиях в 1940–1960-е годы³⁶. Ежегодно А. Е. Гейнц публиковал десятки статей в газетах и популярных журналах, ездил по всей стране и читал лекции, часто выступал по радио. В результате его имя стало известно по всей Норвегии, что достаточно редко для университетских профессоров³⁷.

В заключение отметим, что, несмотря на достаточно скромные размеры, первая волна русской эмиграции в Норвегии, несомненно, представляет интересную главу в истории русского зарубежья. Конечно, существенная часть из приехавших в страну россиян использовали Норвегию как временное убежище, чтобы затем перебраться в столицы русского зарубежья, в более южные широты Европы³⁸. Между тем люди, оставшиеся в Норвегии, несмотря на социально-экономические трудности, к началу 1940-х годов смогли достаточно быстро интегрироваться в норвежское общество. Они были трудоустроены, получили жилье и даже имели возможность вести активную социально-культурную жизнь в духе сохранения русских традиций, во многом благодаря усилиям В. В. Каррика. Как указывает Т. П. Тетеревлева, маленькая колония русских эмигрантов в Норвегии оказалась более открытой к окружающему обществу, чем большие колонии в других странах, и поэтому легче влилась в общество как в экономическом, так и в социальном плане³⁹. Поддерживать «русскость» в сложившихся в новой стране проживания условиях с течением времени эмигрантам становилось все сложнее.

На этом фоне история жизни и деятельности петербуржца А. Е. Гейнца выглядит особенно любопытной, является примером сохранения «русскости» и в то же время наиболее удачной интеграции в норвежское общество. На наш взгляд, это можно объяснить несколькими факторами. Во-первых, Анатолий Гейнц приехал в Норвегию совсем молодым человеком и получил университетское образование уже здесь. Может быть, поэтому он не испытывал столь резкой и длительной социальной деградации, через которую

прошли другие эмигранты. Во-вторых, поступив в Школу искусств и ремесел, а затем в Университет Осло, он сразу оказался в среде норвежских студентов и смог общаться с их окружением. Даже если Гейнц порой чувствовал, что ему приходится долго ждать принятия в обществе как норвежца, быстрая и успешная карьера стала доказательством того, что норвежское общество открыло для него свои двери, показав его востребованность. Однако сам А. Е. Гейнц не раз говорил, что в полном смысле слова стал норвежцем только в зрелом возрасте, когда оказался вместе с норвежскими патриотами пленником в немецком лагере около Осло, созданном во время Второй мировой войны в оккупированной гитлеровской Германией Норвегии.

* Основу статьи составили материалы доклада, сделанного авторами на международной научно-просветительской конференции «Научные миры русского зарубежья» в Москве, в Доме русского зарубежья им. А. И. Солженицына, 7–8 октября 2019 г.

¹ См. об этом, напр.: *Голдин В. И.* Гражданская война в истории России: историография, современные подходы, подготовка нового академического издания // *Новейшая история России*. 2019. Т. 9, № 3. С. 758–774.

² *Гусефф К.* Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920–1939 годы). М., 2014. С. 62–63.

³ *Баркан А.* Что нужно знать о семейной эмиграции с обратным билетом. Русскоязычный — двуязычный ребенок. Братислава, 2012. С. 176–183.

⁴ *Тетеревлева Т. П.* Страны Северной Европы глазами русских послереволюционных эмигрантов // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: материалы Седьмой ежегодной науч. конф. (Санкт-Петербург, 13–14 апреля 2006 г.) / под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова. СПб., 2006. С. 44. — См. также ее статью: *Teterevleva T. P.* Crossing the Borders: The Experience of Russian Émigrés in the Nordic countries, 1920s — 1930s // *Russia-Norway. Physical and Symbolic Borders* / eds T. N. Jackson, J. P. Nielsen. Moscow, 2005. S. 163–171.

⁵ См. об этом: *Morken B.* Kvite russiske emigranter i Norge. Master thesis in history. Oslo, 1984; *Тевлина В. В.* Эмиграция из России в Норвегию и на ее Север в XX — начале XXI столетий. Волны и их особенности // *In the North, the East and West meet. Festschrift for Jens Petter Nielsen* / eds K. A. Myklebost, S. Bones. Stamsund, 2019. S. 181–197.

⁶ См. подробнее: *Barr W.* General Miller's Flight from Arkhangel'sk, February 1920 // *Polar Record*. 1980. Vol. 20, no. 125. P. 119–125; *Тетеревлева Т. П.* Русские эмигранты в Норвегии (1917–1930-е годы) // *Россия — Норвегия. Сквозь века и границы* / под ред. Д. Бюхтен, Т. Джаксон, Й. П. Нильсена. М., 2004. С. 183–184.

⁷ См. об этом: *Naboe i frykt og forventning: Norge og Russland 1917–2014* / ed. by S. G. Holtsmark. Oslo, 2015. S. 198–203.

⁸ По линии отца В. В. Каррик происходил из семьи британских подданных, проживавших с XVIII в. в России, но не терявших свои корни и подданство. В 1850-е годы его отец, Вильям Каррик, окончательно обосновался в Санкт-Петербурге, став затем знаменитым Петербургским фотографом-портретистом, художником и зачинателем жанровой и пейзажной российской фотографии. См. подробнее о Вильяме Каррике: *Kjetsaa G. Maksim Gor'kij og Valery Carrick: fra en ukjent korrespondanse* // *Meddelelser fra Slavisk-baltisk institutt, Universitetet i Oslo*. Oslo, 1981. S. 3–4.

⁹ См., в частности: *Тетеревлева Т. П.* Валерий Вильямович Каррик (1869–1943): Петербургский эмигрант Норвегии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: материалы пятой ежегодной науч. конф. (Санкт-Петербург, 25–26 апреля 2003 г.). СПб., 2004. С. 44–55.

¹⁰ См., в частности: National Library of Norway, Private Archives. F. 4199. Box 66 (Part 1). — Существенная часть архива В. В. Каррика находится в Национальной библиотеке Норвегии, в фонде частных коллекций (фонд 4199, Carrick Archive).

¹¹ National Library of Oslo. Private Archives. F. 4199. Box 16. — В. В. Каррик также получал некоторую экономическую поддержку от своих родственников, живших в Великобритании. См. подробнее: *Kjetsaa G.* Maksim Gor'kij og Valery Carrick. S. 10.

¹² См. подробнее о дискуссии, развернувшейся о русских эмигрантах на страницах норвежских газет *Gudbrandsdølen* (Lillehammer), *Gudbrandsdalens Social-Demokrat* (Lillehammer), *Tidens Krav* (Kristiansand) и др. в мае 1920 г.: *Morken B.* Kvite russiske emigranter i Norge. S. 187–190.

¹³ *Social-Demokraten* (Oslo). 1920. 8 March.

¹⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 5867. Оп. 1. Д. 105, Л. 1 об., 13–14.

¹⁵ *Tidens Tegn* (Oslo). 1918. 20 September.

¹⁶ См. об этом: *Morken B.* Kvite russiske emigranter i Norge. S. 236–237; ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 109. Л. 1–2.

¹⁷ См. подробнее: *Последние новости* (Париж). 1922. 16 февр.

¹⁸ См. подробнее: *Norge — Russland. Naboer gjennom 1000 år* / eds D. Büchten, T. Dzjakson, J. P. Nielsen. Oslo, 2004. S. 310–312.

¹⁹ Из материалов интервью с Наташей Анатольевной Гейнц, дочерью А. Е. Гейнца. Интервью проведено авторами статьи 10 декабря 2018 г.

²⁰ Впоследствии Б. Е. Гоффманн как основоположник и руководитель Норвежского баллачного оркестра (создан в начале 1920-х годов) стал известным по всей Норвегии человеком под художественным псевдонимом Борис Борисов.

²¹ См. подробнее: *Størmer L.* Anatol Heintz. Minnetale holdt i Norsk Geologisk Forening 15. mai 1975 // *Norsk Geologisk Tidsskrift*. 1975. Vol. 55, no. 3. S. 199–202.

²² *Ibid.*

²³ *Heintz A.* Cephalaspida from Downtonian of Norway // *Skrifter fra Det norske Videnskapsakademi* (I. Matematisk-Naturvitenskapelig klasse). Oslo, 1939. No. 5. S. 1–119.

²⁴ См., напр.: *Heintz A.*: 1) *Blåskjell på Spitsbergen* // *Norsk Geologisk Tidsskrift*. 1926–1927. Vol. 9, no. 9. S. 74–76; 2) *Svalbard. A Norwegian Outpost*. Bergen, 1950; 3) *Svalbard. Spitsbergen. Eide*. Bergen. 1961; 3) *Om rein og isbjørn på Svalbard* // *Norsk Polarinstitutt Meddelelser*. 1964. No. 92. S. 1–20.

²⁵ См. подробнее: *Heintz A.* Isbjørnens skjebne på Svalbard. Noen alvorsord til Fiskeridepartementet og andre om 'arktiske safarier' for trofejegere // *Dyrenes ven*. 1964. No. 1. S. 50–52; *Aftenposten* (Oslo). 1963. 19 August; *Heintz A.* Om rein og isbjørn på Svalbard.

²⁶ *Heintz A.*: 1) *Russian Opinion about the Discovery of Spitsbergen* // *Norsk Polarinstitutt Årbok* 1964. Oslo, 1966. S. 93–118; 2) *Russernes syn på oppdagelsen av Spitsbergen* // *Norsk geografisk tidsskrift*. 1963–1964. No. 19. S. 175–203.

²⁷ *Kiær J., Heintz A.* Verdener som svant: fra urfisk til ape. Oslo, 1943.

²⁸ *Heintz A., Heintz N.* Menneskets avstamning. Oslo, 1966.

²⁹ *Schjoldager N.* Bibliography of Anatol Heintz // *Norsk Geologisk Tidsskrift*. 1975. Vol. 55, no. 3. S. 203–211.

³⁰ *Størmer L.* Anatol Heintz. S. 199–202; *Henningsmoen G.* Minnetale over professor dr. philos. Anatol Heintz // *DNVA Årbok* 1975. Oslo, 1976. S. 1–4.

³¹ Переписка А. Е. Гейнца с академиком Ю. А. Орловым хранится в частном архиве семьи Н. А. Гейнц.

³² См. об этом лагере: *Norsk fangeleksikon* / ed. by B. R. Giertsen. Oslo, 1946.

³³ О жизни пленников в лагере Грини см. подробнее: *Nansen O.* From day to Day. One Man's diary of Survival in Nazi Concentration Camps. Nashville, 2016. S. 59–199. — Одд Нансен был сыном норвежского полярника, дипломата и гуманиста Фритъофа Нансена.

³⁴ *Дьяконов И. М.* Книга воспоминаний. СПб., 1995. С. 63. — Игорь Михайлович Дьяконов (1915–1999) — крупный историк-востоковед и лингвист. В 1920-е годы он, как сын сотрудника советского торгового представительства в Норвегии М. А. Дьяконова, жил в Осло, где его семья общалась с семьей Гейнц.

³⁵ Из материалов интервью с Наташей Анатольевной Гейнц, дочерью А. Е. Гейнца. Интервью проведено авторами статьи 9 декабря 2019 г.

³⁶ Aasekjær H., Heintz A. Hvirveldyr. Bygning og utvikling. Zoologi for realskolen og gymnasiets 2 første klasser. Oslo, 1940–1962.

³⁷ За свою научную деятельность Анатолий Евгеньевич Гейнц получил множество званий и наград, отметим лишь некоторые из них. В 1939 г. он получил медаль Норвежского короля Хокона VII, а чуть позже стал действительным членом Норвежской академии наук. Кроме того, был почетным членом Геологического общества в Лондоне; членом-корреспондентом Академии наук в Упсале и Королевского научного и художественного общества в Гетеборге (Швеция); действительным членом всемирного Лондонского Линнеевского общества (Linnean Society of London) и Общества палеонтологии позвоночных животных (Society of Vertebrate Paleontology) в США.

³⁸ Morken B. Kvite russiske emigranter i Norge; *Голдин В. И., Тетеревлева Т. П., Цветнов Н. Н.* Русская эмиграция в Норвегии (1918–1940) // *Страх и ожидания. Россия и Норвегия в XX веке* / под ред. В. И. Голдина, Й. П. Нильсена. Архангельск, 1997. С. 116–117.

³⁹ *Teterevleva T. P.* Crossing the Borders. S. 163–171.

Статья поступила в редакцию 28 марта 2020 г.

Рекомендована в печать 4 сентября 2020 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Нильсен Й. П., Тевлина В. В. Норвежская судьба палеонтолога — петербуржца-эмигранта Анатолия Евгеньевича Гейнца (1898–1975) // *Новейшая история России*. 2020. Т. 10, № 4. С. 933–947. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.407>
УДК 56(481)(091)

Аннотация: В статье впервые представлены материалы о жизни и деятельности Анатолия Евгеньевича Гейнца — уроженца Санкт-Петербурга, русского эмигранта первой волны, оказавшегося в Норвегии после революционных событий в России 1917–1920 гг. Он стал знаменитым ученым с мировым именем — академиком, профессором, популяризатором науки, одним из основоположников норвежской палеонтологии. Анатолий Гейнц известен как участник и организатор ряда научных экспедиций на Шпицберген, занимавшихся изучением окаменелых рыб, а также как борец за охрану животных и создание природных заповедников на этом архипелаге. Судьба А. Е. Гейнца рассматривается в соотношении с актуальными для русских эмигрантов как первой, так и следующих волн эмиграции XX — начала XXI столетий процессами социально-культурной адаптации и вхождения в сообщество новых стран проживания. Сравниваются условия поисков себя и пути сохранения «русскости» в больших колониях эмигрантов, появившихся после 1917–1920 гг. в Берлине, Праге и Париже и на периферии Европы, какой была Норвегия. Авторы акцентируют внимание на том, что делал Анатолий Гейнц для сохранения русской идентичности и как он в то же время трудился, чтобы стать признанным в Норвегии гражданином. История жизни и деятельности петербуржца А. Е. Гейнца — пример сохранения «русскости» и в то же время наиболее удачной интеграции в норвежское общество.

Ключевые слова: Анатолий Гейнц, Россия, эмиграция, первая волна, русское зарубежье, Норвегия, Валерий Каррик, интеграция, общество, Шпицберген, идентичность.

Сведения об авторах: *Нильсен Й. П.* — проф., Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия); jens.petter.nielsen@uit.no | *Тевлина В. В.* — д-р ист. наук, проф., Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия); Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия); vtevlina@mail.ru

Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии, Норвегия, N-9019, Тромсё, Хансине Хансенс Вей, 18

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 163002, Архангельск, наб. Северной Двины, 17

FOR CITATION

Nielsen J. P., Tevlina V. V. 'Norwegian Destiny of Anatolii E. Heintz (1898–1975), Palaeontologist and Russian Emigré from St. Petersburg', *Modern History of Russia*, vol. 10, no. 4, 2020, pp. 933–947. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.407> (In Russian)

Abstract: This article provides information on the life and work of Anatolii Evgenievich Heintz. Heintz was born and raised in St. Petersburg, became a Russian émigré in the so-called “first wave”, and ended up in Norway with his family after the revolutionary events in Russia in 1917–1920. Later Heintz became renowned in the world of science as a Professor, Academician, and one of the founding fathers of Norwegian paleontology, as well as a well-known promoter of scientific knowledge among the common people in Norway. At the same time he was an active participant and organizer of scientific expeditions to Spitsbergen (Svalbard) in search of fish fossils, but he also pioneered the protection of wild animals and establishment of natural parks on this Arctic archipelago. In this article Heintz's life is examined against the background of social and cultural processes that Russian emigrants faced in the first and later waves of emigration in the 20th and 21st centuries, especially processes of socio-cultural adaptation and integration into their new country of residence. The authors compare the conditions for finding themselves and ways of preserving one's Russianness in the large colonies of the Russian diaspora, which appeared in Berlin, Prague, and Paris, with the conditions in the northern periphery of Europe and a country like Norway. The paper focus on what Heintz did to preserve his Russian identity, and how he simultaneously struggled to become fully recognized as a Norwegian citizen.

Keywords: Anatolii Heintz, Russia, first wave, emigration, Russia Abroad, Norway, Valery Carrick, integration, society, Spitsbergen, identity.

Authors: *Nielsen J. P.* — Professor Emeritus, University of Tromsø — The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway); jens.petter.nielsen@uit.no | *Tevlina V. V.* — Dr. Sci. in History, Professor, University of Tromsø — The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway); Northern (Arctic) Federal University (Arkhangelsk, Russia); vtevlina@mail.ru

University of Tromsø — The Arctic University of Norway, 18, Hansine Hansens veg, Tromsø, N-9019, Norway
Northern (Arctic) Federal University, 17, nab. Severnoy Dviny, Arkhangelsk, 163002, Russia

References:

- Aasekjær H., Heintz A. *Hvirveldyr. Bygning og utvikling. Zoologi for realskolen og gymnasiets 2 første klasser* (Oslo, 1940–1962).
- Barkan A. *What you need to know about family emigration with a return ticket. Russian-speaking — bilingual child* (Bratislava, 2012). (In Russian)
- Barr W. 'General Miller's Flight from Arkhangel'sk, February 1920', *Polar Record*, vol. 20, no. 125, 1980.
- Diakonov I. M. *A book of memoirs* (St. Peterburg, 1995). (In Russian)
- Goldin V. I. 'The Civil War in the History of Russia: Historiography, Modern Approaches, Conception, New Edition', *Modern History of Russia*, vol 9, no. 3, 2019. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.314>.
- Goldin V. I., Tetereleva T. P., Tsvetnov N. N. 'Russian Emigration in Norway (1918–1940)', *Strakh i ozhidaniia. Rossiia i Norvegija v XX veke*, eds V. I. Goldin, J. P. Nielsen (Arkhangelsk, 1997). (In Russian)
- Guseff K. *Russian emigration in France. A social history (1920–1939)* (Moscow, 2014). (In Russian)
- Heintz A. 'Blåskjell på Spitsbergen', *Norsk Geologisk Tidsskrift*, vol. 9, no. 9, 1926–1927.
- Heintz A. 'Cephalaspida from Downtonian of Norway', *Skrifter fra Det norske Videnskapsakademi, Oslo (I. Matematisk-Naturvitenskapelig klasse)*, no. 5, 1939.
- Heintz A. 'Isbjørnens skjebne på Svalbard. Noen alvorsord til Fiskeridepartementet og andre om "arktiske safarier" for trofejegere', *Dyrenes ven*, no. 1, 1964.
- Heintz A. 'Om rein og isbjørn på Svalbard', *Norsk Polarinstitutt Meddelelser*, no. 92, 1964.
- Heintz A. 'Russernes syn på oppdagelsen av Spitsbergen', *Norsk geografisk tidsskrift*, no. 19, 1963–1964.
- Heintz A. 'Russian Opinion about the Discovery of Spitsbergen', *Norsk Polarinstitutt Årbok 1964* (Oslo, 1966).
- Heintz A. *Svalbard. A Norwegian Outpost* (Bergen, 1950).
- Heintz A. *Svalbard. Spitsbergen. Eide* (Bergen, 1961).
- Heintz A., Heintz N. *Menneskets avstamning* (Oslo, 1966).

- Henningsmoen G. 'Minnetale over professor dr.philos. Anatol Heintz', *DNVA Årbok 1975* (Oslo, 1976).
- Kiær J., Heintz A. *Verdener som svant: fra urfisk til ape* (Oslo, 1943).
- Kjetsaa G. 'Maksim Gor'kij og Valery Carrick: fra en ukjent korrespondanse', *Meddelelser fra Slavisk-baltisk institutt, Universitetet i Oslo* (Oslo, 1981).
- Morken B. *Kvite russiske emigranter i Norge*. Master thesis in history (Oslo, 1984).
- Naboer i frykt og forventning: Norge og Russland 1917–2014*, ed. by S. G. Holtmark (Oslo, 2015).
- Nansen O. *From Day to Day. One Man's Diary of Survival in Nazi Concentration Camps* (Nashville, 2016).
- Norge — Russland. Naboer gjennom 1000 år*, eds D. Büchten, T. Dzijakson, J. P. Nielsen (Oslo, 2004).
- Norsk fangeleksikon*, ed. by B. R. Giertsen (Oslo, 1946).
- Schjoldager N. 'Bibliography of Anatol Heintz', *Norsk Geologisk Tidsskrift*, vol. 55, no. 3, 1975.
- Størmer L. 'Anatol Heintz. Minnetale holdt i Norsk Geologisk Forening 15.mai 1975', *Norsk Geologisk Tidsskrift*, vol. 55, no. 3, 1975.
- Teterevleva T. P. 'Crossing the Borders: The Experience of Russian Émigrés in the Nordic countries, 1920s — 1930s', *Russia-Norway. Physical and Symbolic Borders*, eds T. N. Jackson, J. P. Nielsen (Moscow, 2005).
- Teterevleva T. P. 'Russian Emigrants in Norway (1917–1930)', *Rossija — Norvegiia. Skvoz' veka i granitsy*, eds D. Büchten, T. Jackson, J. P. Nielsen (Moscow, 2004). (In Russian)
- Teterevleva T. P. 'The countries of Northern Europe through the eyes of Russian post-revolutionary emigrants', *Sankt-Peterburg i strany Severnoi Evropy: materialy Sed'moi ezhegodnoi nauch. konf. (Sankt-Peterburg, 13–14 apreliia 2006 g.)*, eds V. N. Baryshnikov, P. N. Krotov (St. Peterburg, 2006). (In Russian)
- Teterevleva T. P. 'Valerii Vil'iamovich Karrik (1869–1943): An emigrant from St. Petersburg in Norway', *Sankt-Peterburg i strany Severnoi Evropy: materialy piatoi ezhegodnoi nauch. konf. (Sankt-Peterburg, 25–26 apreliia 2003 g.)* (St. Peterburg, 2004). (In Russian)
- Tevlina V. V. 'Emigration from Russia to Norway and to its north in the 20th — beginning of the 21st century. Waves and their features', *In the North, the East and West meet. Festschrift for Jens Petter Nielsen*, eds K. A. Myklebost, S. Bones (Stamsund, 2019). (In Russian)

Received: March 28, 2020

Accepted: September 4, 2020